

18+

А. Гасанов

Чики-чики

Сборник рассказов №16

КОРОЧЕ
не придумал

ИСТОРИИ
О ЖИЗНИ,
ПРО ЖИЗНЬ
И ЗА ЖИЗНЬ.

Неплохо читается в дороге

аликгасанов.рф

А. Гасанов

**Чики-чики. Сборник
рассказов № 16**

«Издательские решения»

Гасанов А.

Чики-чики. Сборник рассказов № 16 / А. Гасанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851774-7

Продолжение сборников рассказов о жизни и про жизнь. Неплохое чтение
в дорогу и не только. Тут есть над чем посмеяться и над чем поплакать.
Спасибо.

ISBN 978-5-44-851774-7

© Гасанов А.
© Издательские решения

Содержание

Связь с космосом	6
Почему нам не нравятся иностранцы	9
Ямщики	12
Клупкино путешествие	15
В колхозе «Путь Ильича»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Чики-чики

Сборник рассказов № 16

А. Гасанов

© А. Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4485-1774-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СВЯЗЬ С КОСМОСОМ

На работу опоздал. Чуть не выгнали. Последний раз предупредили.

Начальник так и сказал:

– Предупреждаю вас, говорит, в последний раз. Ещё раз такое повторится, говорит, по морде дам.

А как тут не опоздать, когда от телевизора не оторваться?

Передачу с утра крутили по «Культуре».

Я только канал «Культура» смотрю уже неделю. Там много интересного. И для интеллектуального развития личности, и просто поугорать.

И вот утром досматриваю телек, дожёвываю завтрак, а тут у них в студию приглашают гуру.

Ни дуру, а гуру я говорю. Мужчина приехал из Тибета. Наш русский мужик объездил весь мир и стал гурой. В Индии семь лет в пещере жил. В Андах сам себе вырезал гланды. Внушением. Йогой занимается, медитацией и народной медициной всех стран мира. Очень интересный кекус.

Входит такой в балахоне, лысый и босиком. Из макушки длинная тонкая косичка закручена матюком, как антенна. Руки сложил, как в молитве, ладони чётками деревянными обмотаны. Мужик кланяется, как болванчик, улыбается так, будто ему щекотно.

Дикторшиха (красивая... ноги, как жерди!) говорит:

– Вячеслав долгое время проживал в Подмоскowie. (на экране заснеженное поле, машины торопятся сквозь метель, музыка тоскливая негромкая). Он вёл своё дело и был успешным бизнесменом (дикторшиха уже перед большим крепким особняком, бабулька румяная интервью даёт:

– Вот тут и жил Славик-то! (варежкой показывает на прекрасный кованный заборчик) Хоро-оший человек! Что могу сказать? Очень хороший человек!.. И семейный, и серьёзный. Чтобы чего плохого про него – не скажу ни чего!..

– И вот как-то в самый расцвет своего бизнеса, – опять продолжает дикторшиха уже из студии, переодетая, – Вячеслав осознал, что жизнь свою он посвящает совершенно ни тем ценностям, – аж головку склонила, бровки нахмурила, скотина, продолжает прискорбно, – Блестящий предприниматель оставил дом, машину, и ушёл в горы, чтобы обрести гармонию со своим телом и душой.

Опять на экране лес глухой. Мужик лысый топориком полешко тешет, лыко с него камушком разминает и кушает. Очень полезно для здоровья, говорит. Только рожу трудно отмыть без мыла. Он от мыла и всех благ цивилизации отказался к чёртовой матери, и теперь ему трудно рожу отмыть, и вся рожа и нос у него зеленоватые от полезной пищи, потому что очень сочно. И живёт Вячеслав то в пещере, то у ручья, и постигает смысл. Весь день сидит по турецки, и медитирует, и живёт в гармонии с природой. Утром встанет пораньше, слезет с дерева, костёрчик разведёт, у ручья умоется, в «кустики» сходит, листочком крапивным подотрётся, и хорошо ему. Опять сидит и медитирует.

... – И вот Вячеслав семь лет провёл в Индии у древних шаманов, где обрёл прозрение и познал Истину бытия в Третей Ситархтхе, – дикторшиха с трудом выговорила «Ситархтху», и я и так уже всё понял, и уже хотел выходить в подъезд (на работу!), а тут эта падла выгаскивает свой барабан!

Я на секундочку замер у экрана.

– Этот священный для народности Хуу Дзынь музыкальный инструмент называется Аэх Ситархтха, что в переводе означает «голос великого бога». (Вячеслав всё это время стоит на коленях перед барабаном, упёршись лбом в пол, боясь поднять глаза. А когда дикторшиха

сказала про «Сихратртрху», мужик воздал руки к небу и трижды прокричал что-то, что я не успел запомнить. Стою, потею. Ещё минута, и мой автобус уйдёт.

– Аэх Ситрахтрха народы Хуу Дзынь почитают как божество. Звуки этого инструмента настолько божественны, что слушать их можно не чаще одного раза в тридцать один год. Великий философ и мыслитель современности Сэмюэль Глизт писал в своих мемуарах: «Божественный эликсир, который источает этот поистине волшебный инструмент завораживает и останавливает время. Кажется, звук исходит из самого космического Разума... Аэх Сиртрахтрха (Вячеслав опять вскинулся и прокричал) заслуженно причислен к наследию человечества...»

А я стою и не могу выйти. На часы смотрю.

Барабанчик действительно симпатичный. «Связь с Космосом»!

Похож на негритянский там-там, весь разрисован крестиками и кубиками, а шнурки кожи собраны в самом центре натянутой кожи в косичку, и рядом чашечку с маслом поставили.

Я скинул куртку. На диван сел в сапогах.

Вячеславу дали микрофон и он благородно прокашлялся:

– Спасибо вам за предоставленную возможность поведать миру (под Вячеславом на экране появилась надпись – Тхутурхетти (Вячеслав Терёхин из г. Клин) белый гуру Третьей Систартхи), – о великом божественном Аэх Ситхартхта (опять бухнулся на пол, грохая микрофоном по коврику, трижды воздел руки к люстре, прокричав чего-то, ну его на фиг, язык я сломаю сейчас уже), – Дело в том... (тоскливая негромкая музыка) что священная музыка божественного Аэх Сихратртрхта (опять бухается, шоб он сдох! Я опоздал уже...) дарована человечеству, как единое искупление и услада душевного мира и познания истины...

Мы с дикторшихой сидим слушаем, а Вячеслав говорит и говорит, покачивая антенной, а мы сидим и вежливо слушаем, я даже сапоги снял, ну его на фиг, скажу, что меня машина сбила, опоздаю на пару часов. И сидим мы и на барабан с уважением смотрим, а прозревший Вячеслав очень подробно и интересно рассказывает про Ситратртрху...

Оказывается, что играть на ём может только избранный, и Вячеслав пять лет этого добивался, проводя всё время в молитвах и целомудрии. Потому как если неподготовленный человек его коснётся – ему смертная казнь будет. А барабан такой священный, что перед тем, как даже подумать, чтобы на нём поиграть – нужно молиться и просить разрешения у главного божества в течении двух месяцев. И если божество даёт добрый знак – у народов Хуу Дзынь проводятся шумные празднества, люди ходят друг другу в гости и пекут верблюдов, поздравляют и считается, что век будет удачным.

Я лёг на диван, раздевшись по-домашнему.

Дикторшиха тоже уже молчит полчаса, не мигая смотрит то на барабан, то на Вячеслава.

Сколько у них там по времени передачи? Полчаса? Час?..

«Сейчас уже наверное начнут», – терпеливо ждал я...

И вот Вячеслав наконец заканчивает, сука:

– Пришло время нам с вами насладиться божественными звуками этого великого дара человечеству, надежду на избавление...

И ещё так минут десять говорил.

А потом отвесил барабану штук сорок поклонов, и долго ещё натирал руки маслом из чашечки, попросив у чашечки разрешения.

И вот мы с дикторихой замерли, как сова на унитазе, аж глаза защипало, и ждём, чтобы насладиться, наконец, будь оно уже не ладно!..

...Вячеслав сел на расписной коврик, бережно поставил барабан между скрещенных босых ног, поправил антеннку, и, лучезарно улыбаясь, взялся обеими руками за шнурок, и медленно потянул.

– Ы-ыы... – жалобным ишаком промычал Аэх Сихтрахтрха.

И мы с дикторшихой, с застывшими улыбками на рожах пять минут наблюдаем, как Вячеслав, закрыв глаза и раскинув руки в стороны, не шевелясь внимает блаженство в абсолютной тишине.

...Начальнику я сказал, что меня ни машина сбила, а ишак.

Долго смеялся, не поверил, но ещё раз предупредил в последний раз.

Да куда он денется, барбос?

Таких работников поискать надо.

Почему нам не нравятся иностранцы

(каюсь, название я украл у любимого мною Д.К.Джейром)

Совершенно не представлял, что буду писать.

Как всегда пишу экспромтом, развлекая сам себя. Не обессудьте. А чего-то задумался.

...Совершенно ни кому не придёт в голову, что Всевышний, раздавая народам языки (я имею ввиду устную речь), опирался на определённые принципы и какие-то только Ему известные мотивы.

С годами мне всё интереснее вслушиваться в незнакомый говор разных национальностей.

Невольно ловлю себя на мысли, что речь у каждого народа отличается ни только по звучанию и интонациям, а и по тонким оттенкам, характеризующим саму суть той или иной нации, её наклонности и предпочтения.

Сама идея шовинизма или нетерпения к другим инородным культурам для меня запретна, что и спешу добавить вам. Тот же Ницше перефразирован неоднократно многими мыслителями, и фразу эту я повторю вам с удовольствием: «Самый дешёвый вид гордости – гордость национальная.» И я не имею права оспаривать это высказывание или не соглашаться с ним. Да, весьма достоин уважения представитель любой нации, который гордится своими корнями, но также презрен и смешон (и опасен!) будет он, пытаясь возвеличить её над другими, согласитесь? Как в басне А. Крылова про гусей, гордых за своих предков, спасших Рим, и требующих за это почитания. Тема эта скользкая, злая и неблагодарная, и поэтому прошу вашего снисхождения, если по врождённой глупости своей обижу кого-нибудь неосторожно. В литературе целый ряд авторов, куда уж авторитетнее вашего покорного слуги, неоднократно разглагольствовал на эту тему, и я, в свою очередь, попытаюсь быть аккуратным.

В бессмертном «... Швейке» Ярослав Гашек, например, очень нелестно отзывался о чешском языке, проводя аналогию с шипением змеи, которое якобы за врождённую лживость и подлость дал Господь чешскому народу. (Повторюсь – я только комментирую! Ни чего я не имею против чехов.) Тарас Шевченко называл польский язык «поганой пародией на язык, лживым карканием», при этом совершенно не владея польским!.. Шопенгауэр о французском языке высказывался так, что просто срам, сравнивая французскую речь с «бормотанием пьяной проститутки, у которой полный рот блевотины» (ещё раз пardon, господа французы!). А король Артур уверял, что народы, заселяющие современную Скандинавию, «лают по-собачьи»! Вспомним тех же «варваров», чьё название произошло от слышимой озвучки их неведомой речи «вар-вар», и ещё очень много примеров.

Один мой знакомый рассказывал, как его на рынке обругала девушка-вьетнамка:

«... – Я молча рассматривал кофточку за кофточкой, сосредоточившись в себе и представляя жену в обновке, когда у продавщицы, видимо, лопнуло терпение, и она разразилась визгливым ругательством. Будучи уверенным, что это под прилавком задрались коты, я даже не подозревал, что эти звуки производит женщина.

– Вяв-мяу-мяу-миу-мяу-сю-вав!..», – зло высказала вьетнамка, вырывая кофточку из моих рук, а я остолбенел, впервые услышав вьетнамскую речь...»

Такая же примерно была история, когда я как-то в самолёте вдруг услышал быстрые харкающие звуки, тревожные и страшные, будто у кого-то начался эпилептический приступ.

Все испуганно обернулись, и оказалось, что это парень-ингуш рассказывает своей девушке анекдот.

Каждый из нас, наверное, уже неоднократно ловил себя на мысли, что когда мы наблюдаем, как незнакомец разговаривает на своём языке, мы потрясённо удивляемся: «Как он так делает?». Это ведь ни так-то просто, наверное?.. Неужели ни проще сказать «осетрина», чем набирать полный рот слюней, чтобы озвучить по-французски «эсружонн» («эр» – гортан-

ная, булькающая, «эн» – гундосая, почти непроницаемая)? Такая же история и с настоящим английским. Когда я, например, слышу английскую речь (нет, не пошло «квакающую» с жвачкой во рту американскую, а именно британскую!), я всё время облегчённо вздыхаю, когда собеседник наконец-то замолчит, так как чисто по человечески всё время переживаю, что он вот-вот либо укусит себя за язык, либо подавится им.

Как-то я был свидетелем диалога двух китайских туристов. Один что-то оживлённо и весело рассказывал другому, и я замер, зачарованный, восторженно наблюдая за ними, и через две минуты уже был твёрдо уверен, что говорящий парень просто валяет дурака, склоня на разные лады одну и ту же фразу из трёх слов:

– Ён гы цу хим!.. Цу шы гы хим! Гы шы цы шы!, – весело рассказывал китаец, а его собеседник не сводил с него глаз, стараясь не упустить ни одного слова. К концу рассказа они оба с удовольствием расхохотались, и рассказчик сквозь смех повторил «на бис» пару наиболее ключевых фраз, доводя собеседника до восторженного взвизгивания.

Примерно также я был потрясён, случайно оказавшись в армянской семье:

...В трёхкомнатной квартире находились семейная пара, бабушка, двое детей и их знакомый. Короче, шесть человек. И эти шесть человек говорили одновременно и создавали столько шума, что любой порядочный человек, проходящий мимо дома, мог бы свидетельствовать в суде, что в квартире либо проходило собрание обманутых дольщиков, либо облава спецназа. Человеку, не знающему армянского языка, было бы, по крайней мере, страшно находиться в такой квартире, хотя разговор происходил примерно такого содержания:

Трёхлетний Гурген кричит из туалета на всю квартиру:

– Мама! Я покакал!

– Ирада! Чайник закипел!, – кричит из спальни глава семейства.

– Сейчас заварю, милый!, – кричит из коридора жена, – Не видишь, Гургенчик покакал!

– Мама! Я покакал!

– Ирада! Чайник закипел! Ты что, не слышишь?

– Самвел!, – кричит из своей комнаты старая Ануш, – ты не опаздываешь? Уже полпятого, сынок!..

...Короче говоря, обыденные бытовые разговоры рядовой семьи, каких много вокруг. Но это при условии, что вы знаете армянский!.. Если вы его не знаете, вы будете совершенно уверены, что в квартире случилось что-то страшное, и все мечутся, вопя от горя и ужаса, в предвкушении какого-то кошмара.

...Практически такая же реакция была у меня на вокзале в Майкопе, когда на перроне ко мне подбежал небритый мужик и что-то зло прокричал, угрожающе размахивая руками. Я невольно принял боксёрскую стойку, но мой попутчик Суланбек вовремя засмеялся, успокаивая меня и объясняя, что это осетин-таксист предлагает свои услуги совсем недорого.

...Гость из Финляндии, помню, на соревнованиях в Капчагае вдруг захохотал, словно филин, тараща глаза, будто стараясь всех напугать. Оказалось – спросил, где туалет.

Тут ещё и множество примеров в парадоксах лингвистики.

Языки перемешаны заимствованными словами, недослышанными и видоизменёнными по случаю, и порядочному человеку сложно сдержать невежливый смех, услышав очередной перевод слова. К примеру, согласитесь, вам будет нелегко сохранить приличное выражение лица, узнав, что «стрекоза» звучит по-украински – «золупывка», а «ботинки» по-казахски – «бетенке»?

Мы находим свой родной язык лёгким в произношении, удобным и разумным, поражаюсь, как можно было додуматься называть что-то по другому? Это же смешно звучит! И сложно произносится. Я уже промолчу про ударения...

О чём я хотел сказать?

О том, что нужно быть терпеливее к иностранцам, наверное.

И уважать не только свой родной язык. Понятно?

Ямщики

...Бабушка моя рассказывала моей маме, как моя прабабка Татьяна, совсем ещё молодой девчонкой служила при дворе большого барина. Хотя, какой там «молодой девчонкой»? Это сейчас молодость у нас длится чуть ни до тридцати лет. А в те времена девица пятнадцати лет уже и семью имела, и детей, и вполне самостоятельно хозяйство вела.

...Через их хутор Северин большой тракт проходил. Вернее сказать – прямо по краю хутора. И хутор рос и тянулся вдоль дороги, то поднимаясь по холму, то спускаясь чуть ли ни на дно Солохина яра.

Места тут раздольные. Всё поля, да пашни. Земля жирная, богатая. В грозу, бывало, дерево ветром всё поломаёт, ветка наземь упадёт, а через день-два – гляди-ко, корни лёжа пускает, за жизнь цепляется, словно руки к земле тянет, и земля-матушка щедро принимает дитя своё. Сколько тут таких диковинных деревьев! То яблоня чуть ни лёжа растёт, то слива из сорной кучи цветочками белыми удивляет.

Кубань разливается широко и вальяжно. Не хочет прямо течь. Обнимает холмы ласково и течёт огромной серой махиной. И сверху кажется, будто еле-еле течёт, почти стоячая вода-то. Но это ни так. По вылизанному на дне илу река скользит так споро, что утащит, моргнуть не успеешь. Бывало, смотришь на рябь воды – чистый пруд, ей-Богу!.. Чуть-чуть движется, волнуясь под дождиком. И вдруг мимо тебя на огромной скорости большая коряга несётся. Несётся страшно, что кажется и в воде зашибёт нешуточно, если ни насмерть. Сколько тонут каждый год смельчаков, а всё прощают люди реке. Любят тут Кубань. Матушкой называют.

И вдоль дороги дома всё богатые. А чем дальше от тракта, тем поскромней. По тракту и шум и крик всегда. Ямщики удалые песню пьяную орут бывало среди ночи, или сильный какой человек обозы ведёт. И в ту, и в другую сторону, навстречу друг другу, и лес идёт, и скот гонят, и товар всякий диковинный. А самое главное – везут вести со всех концов.

Зайдёт лихой ямщик в лавку, шапка-валёнка набекрень, мошна с арбуз, весь люд притихнет. Крикнет тот по надобности – бегом ему и поест, и по мелочи чего. И все ему в рот глядят, авось сядет за стол, тогда и вести будут, хоть народ созывай.

По человеку сразу видно, кто хозяйственник какой захудалый, а кто служебный.

– Тут что ль, столоваться принимают?

– Туточки!.. Туточки!.. Милости вам!..

– Эт хорошо..., – бряцая медной бляхой на кожаной сумке, входит ямщик по-хозяйски, весело и шумно, будто домой прибыл, – Добре вам в хату!.. А што, и покормите служебного человека?..

– Покормим, батюшка!.. Покормим!.. Нешта не покормим-то?..

И пошла беготня!.. И шуба принята бережно, как невеста, и на стол и скатерть, и свет несут, и в избе крики шепотком во все стороны:

– Терька! Наливки неси!.. Грунька, воды!.. Огня несите!..

И вот уж восседает ямщик Стенькой Разиным, обставленный лучинами, и обедает громко, с прибауткой, ёрзая на лавке во все стороны.

А бывает молчун иной раз. Хмуро пошепчется, договорится, молча поест, лица не подняв, сколько ни стой возле него всем собранием. А этот вот – хороший. Весёлый. Сразу видать – хорошо живётся человеку. Сытно, и с умом-то. И стоит вокруг стола люд крещёный, и смотрит, и внемлет, жадно каждое слово хватая и подхватывая:

– С Москвы иду!..

Ахнули шёпотом:

– С Москвы!.. Слыхал?.. С Москвы...

А тот шами сёрбаёт, подрагивая квашеной капустой в бороде, торопится, обжигаясь, луком хрустит, ест, рассказывает весело, головой вертит, всех уважит, чтоб расслышали:

– А под Пензой горели нонче!.. В дороге-то...

– Ах!..

– Вот те крест!.. Ха!.. Бочка смоляная в одном обозе занялась!.. Недогляд.

– Ах ты ж!..

– Ну, и..., – громко стуча колючим кадыком, допил квас, вытер рукавом губы, – Ахнуло!..

К утру-то. Погорели...

– ... Слышал?.. К утру!..

– ... Да тихо ты!..

– Я и говорю!.. Кто ж греет-то с коросином?..

– ... Ох, ты!.. С коросином?!..

– А он, мол «... я трошки, Миколай Степаныч!.. Для сугреву!..» Говорит!..

– Та ты шо?.., – бабка перекрестилась так, будто сама всё видела.

– Ну!.. С коросином!.. А то не ахнет?!.. Кто ж с коросином-то!..

И уехать не успеет весёлый ямщик, щедро сыпав денег на стол, и ещё час-два будет возиться с лошадьми, весело покрикивая мальчишкам, окружившим сани плотным колечком, а по хутору уже бежит-торопится весть, от двора ко двору:

– Почитай два десятка домов сгорело в Пензе-то!..

– ... Та ты шо?..

– Рассказывал!.. Напрочь погорели!.. С детишками!..

– ... Ой, мама моя...

– ... Коросином полил, говорят, и сжёг к чёртовой матери, люди видели!... А потом и себя!.. Зарезал до смерти...

– ... Ой ты ж...

И шумел хутор взволнованный несколько дней, обрастая подробностями с изумительной скоростью. И вот через неделю уже следующий заезжий, молча хлебая борщи, поглядывает на хозяев, как на полоумных:

– Как так «сгорела Пенза?».. Шо вы мне тут брешете?.. Ни чё там ни сгорело. Шестой дён я в Пензе был. Всё тихо... Шо за дурак вам натрепал?..

И также ахнут покорно:

– ... Ах, натрепал же!.. Сука така...

...А шли новости тот год всё удивительнее. И народ уже посматривал на это дело недоверчиво. Вот, мол, сидит хороший человек. Сапоги кожаные. Гривенник посулил. И ведёт себя чинно. А как ляпнет... Хоть стой, хоть падай... Как тут верить-то?..

– Царь убёг, сказали... Насилу ноги унёс!.. Говорили – или в Париж подался, или до самой Франции побёг...

А народ слушает, и даже не думает ахать.

Ибо уж очень как-то удивительно. Совсем уже тут дураками считают нас, что ли?..

– Каждому дадут надел – бери сколько хошь. И лошадей дадут. По три штуки на рыло!.. О как!.. Как у буржуазии всё равно...

И ямщик в который раз оборачивается, глаза выпучивает, не понимая, чего так тихо в сенях-то, ушли, что ли? А люд дворовый молча слушает, скорбно переглядываясь. Будто взрослым людям дрянную сказку бают, и вроде пора рассказчику уже и морду бить, за усердие-то, а все ждут вежливо, мол, покушай, мил-человек, да и иди уже с Богом, трепло свинячье...

...А по весне как-то к обеду ближе хозяйский двор оказался распахнут воротами настезь, чего раньше случалось очень редко.

Огромные, отличной работы, с кованной обводкой, дубовые ворота с утра стоят нараспашку. И народец густо собрался под высоким крыльцом, а на крыльцо вышел барин, в пальто, и с чемоданчиком. Котелок с головы снял, на перильце поставил, вытер лоб платочком. Народ притих.

– Прощевайте, братцы!.. Уезжаю я от вас!.. Не увидимся более. Кого обидел – простите, Христа ради!..

Барин низко поклонился в ноги.

Из глубины толпы кто-то подал голос:

– Это куды ж вы, Савелий Иваныч?

Сто пар глаз уставились, как барин сошёл вниз, говорит ласково, прощаясь:

– Пароходом до Астрахани иду, Николаша. А потом... Видно будет.

И пошёл шепоток по углам.

– Уходит барин-то...

– Как «уходит»?..

– «Как»?.. Так!.. Слыхал, чё в Кузьминке с их барином сделали?... Те.

Барин прошёл в толпу, и та расступилась. Все смотрят на хозяина с ужасом.

– Такие вот нынче дела, Николаша.

Кузнец Николай высоко задрал брови и из глаз огромного, как утёс, кузнеца полились слёзы:

– Как же, Савелий Иваныч?.. А нам как же?..

Но слова его тут же утонули в разноголосице. Со всех сторон ринулся люд. Кто кричал, кто спрашивал, кто лез обнять и не отпустить:

– Да как же так, Савелий Иваныч!.. Да как же вы?!.. Сав... И как же теперь?..

Скоро всё слилось во всеобщий вой и плачь.

До этого крепившийся Савелий Иваныч, с трудом играя в беспечность, тоже прослезился и, не в силах более говорить от слёз, расцеловался с Николашей троекратно, обнял голосающую бабушку Лушу и, обращаясь во всеобщей сумятице уже ко всем, с дрожью в голосе и весело крикнул своей десятилетней прабабке Тане, крестя и целуя её в лоб, вытирая слёзы перчаткой:

– Не поминайте меня лихом, родные мои!..

И продираясь сквозь горланящую толпу, барин совсем расплакался и, забравшись на пролётку, помчался из хутора прочь, и ещё долго народ махал ему руками вслед и плакал, и причитал.

Вот так вот.

Клупкино путешествие

... Маленькая сухонькая бабушка Таня бесшумно вставала утречком, пока все спят.

А в деревне это значит часов в пять утра. Набрасывала бабушка на плечи огромный свой платок поверх рубахи, совала ноги в валеночные битые тапки, и, косясь на внучку Вальку, по стеночке, чтобы не скрипеть половицей, выходила из сеней к печке, оглядывалась, не смотрит ли кто, доставала из потайной полочки в стене небольшую иконку, и выходила во двор, а там к сараю.

Всё это наблюдая через прищур глаз, и, фальшиво сопя носом, будто спит, десятилетняя Валька (моя будущая мама) также бесшумно поднималась, на цыпочках кралась за бабкой, словно таракан высовывая из-за угла сначала один глаз, потом оба. Пробежав резво по стылому двору, девочка ловко забиралась на чердак по приставленной лестнице, и осторожно разгребала рыхлое сено, ложилась на пузо, добираясь до щели потолка, таращила туда глаз, удобно приготавливаясь «мешать бабушке в бога верить».

Валя пионерка, и они всем отрядом (а отряд у них называется «Красные дьяволята») активно борются с этим пережитком, каждый день отчитываясь в школе о своих успехах.

Пристроив иконку на уступочек, бабушка Таня вздыхает, расправляет седые волосы, подвязывая платочек, и настраивается скорбно:

– Отче наш... – шепчет она, глядя в закопчённый лик.

... – Ёжик на небеси, – в ритм ей бубнит сверху внучка.

... – Да святится име твое, да придет слава твоя...

А Валька упрямо вставляет в слова молитвы свои варианты, стараясь бабушку рассмешить или сбить с толку:

– Во имя овса и сена, и свиного уха!..., – бубнит она в такт бабушке, и бабушка наконец сбивается:

– Валька!..., – грозит она кулачком в потолок, и у бабушки не получается разозлиться, – Выдеру я тебе сегодня!.. Лозинкой-то!.. Ох, выдеру тебе!..

А Вальки уже и след простыл. Дело сделано. Молитва сорвана. Только лестница дергается у стены.

– А догони!, – кричит внучка весело уже где-то возле хаты. А ты и пробовать не берись. Валька бегаёт, шо антилопа. Попа на велосипеде кто догнал? Валька Скорбина! Всем отрядом они закреплены за Северо-Кубанским приходом, а там ещё целых три церкви осталось. Работы уйма. Вот и носятся «Красные дьяволята» то попу дули крутить и подвывать во время службы, то крестный ход срывать. Это самое любимое. Во время того, как батюшка в ризах выходит с песнопениями и ликами святых обойти храм, «Красные дьяволята», вымазанные сажей, с воткнутыми в волосы или шапки веточками-рожками, устраивают вокруг этого буйную пляску с балалайкой и обидными частушками. Поп косится боязливо, вышагивает нерешительно, старается не сбиться, но знает наверняка – если не собьётся в пении, то когда комьями грязи забросают, обязательно не выдержит, святой текст сорвёт на полуслове. Вот и мнётся батюшка, стоит ли из церкви выходить-то? Может тут, на порожке и допеть, от греха подальше? Тут и вернуться от кочана гнилой капусты сподручнее, и вереница подпевающих стоит сплочённое. Всё как-то полегше...

...А после школы мама моя поступила в медицинский, чем гордилась вся семья. Мама умотала куда-то под Краснодар, и писала теперь письма каждый месяц. И как-то, со стипендии, прислала даже посылочку!

Вся деревня приходила смотреть на такое чудо! Чайничек заварочный, расписанный синими петухами, с золотой крышечкой, а на крышечке красная пипочка колечком, и с дыроч-

кой!.. Ахнула деревня от такой красоты, а бабушка Таня, раскрасневшись от удовольствия, ещё и добивает:

– Дывысь, кума...

И... вытаскивает из шкапчика немыслимое по тем временам сокровище – два десятка точёных бельевых прищепок со стальными пружинками... Деревня дышать перестала!..

И писала вечером младшая внучка под диктовку бабушки письмо Вале:

... – Спасибо, милая моя Валя, за гостинцы!.. Небось все деньги-то убухала, ангел мой? Не потраться, душа моя! Мы живём хорошо. Отец твой с матерью через месяц обещали быть. Почти, говорят, достроен коровник, и ферма уже стоит. А мы с Зоей и Вадиком живы-здоровы, чего и тебе, радость наша, желаем!.. А на том и кланяюсь я тебе. Храни тебя Господь. Твоя бабушка, Татиана Дмитровна.

А через минуту и спохватились, аж расстроились, и давай дописывать:

... – А стиральный порошок ты не бери больше. Дрянный порошок-то, Валя. Только бельё изгадили мы с Зоей. Не покупай его, и не шли боле!..

Мама в городе видела диковинку – сухое молоко. И взяла пакетик, послала с посылкой, бабку с сестрой подивить, а в письме не сказала, что это молоко. А бабка бельё с ним постирала. Думала – мыло.

...Когда бабушка умерла, на её иконке сначала резали лук, потом иконка стала удобна для колки орехов, а потом куда-то пропала.

Моя мама, став давно уже бабушкой, часто вспоминает, вздыхая, как-бы хорошо было найти её. Именно её, ту маленькую дощечку, так упорно остававшуюся не смотря ни на что всегда в их доме столько много лет.

... – А помнишь, ты спрашивал меня «Кто такой Клупкин?».

И мы смеялись. Передача такая была, хорошая. «Клуб кинопутешественников». Мы всей семьёй её часто смотрели, когда я был совсем ещё маленький...

В колхозе «Путь Ильича»

... – Уволь его к чёртовой матери, говорю!.. Никакого сладу нет, ей-богу, Иван Иванович!.., – бригадир начал переходить уже на неприличный крик, и председатель хмуро встал из-за стола, – Уволь, прошу, или я за себя не отвечаю, ей-богу!.., – Семён Петрович, тщедушный зловредный мужичок, гроза доярок обеих ферм, красный от гнева, дёргался, как Петрушка на ярмарке... А речь всё о том же Эдике-дурачке, знаменитом на весь колхоз скотнике. Отсидел дурачина ни за что, ни про что, вернулся, доходяга, в родной колхоз, не образования, не специальности, куда ж его? Только скотником. И вот Эдик на ферме что ни день, то фокус выкинет. Неймётся ему!..

У каждой дойной коровы на отстойнике таблички висят, где имя коровье написано, возраст и прочие данные. И имена Семён Петрович коровам даёт самолично, считая это делом «сурьёзным». А Эдик-паршивец и в эту его бригадирскую трепетную нишу влез. Подтёр на табличке у гордости фермы коровы Груши букву, и переправил её имя на «Гриша». Учётчики это не доглядели, и по всем ведомостям теперь самая дойная корова записана «Гришей». И в квартальном отчёте Гришей прошла...

С района приёмщица Элеонора Григорьевна, томная пышная красавица, о ком Семён Петрович тайно вздыхает уже год, по телефону так и сказала:

– Совсем вы, Семён Петрович, там у себя в колхозе до чёртиков допились, что ли? Какая к чёрту «Гриша»? С дубу вы там рухнули, – говорит...

И Семён Петрович лебезил в трубку глупости, мол, недоразумение, а Элеонора слышать ни чего не хочет, и издёвку про Гришу на счёт своего отчества всерьёз принимает:

– Это ваши букеты ко мне, – говорит, – одно недоразумение. Корову Гришей назвать!.. Долбанутые вы совсем, – говорит, – хоть и бригадиры... Уже и в Москве мы с вашей Гришей знаменитые стали. Люди хохочут... Што б вы сдохли там, – обижается, – вместе со своей Гришей!.., – трубку швыряет.

Испортил, короче говоря, все отношения с женщиной сволочь-Эдуард.

...А недавно чуть до драки не дошло.

Бригадир по-человечески дал указание окультурить досуг на ферме.

... – А-то чего ж получается?, – солидно от всего сердца кричал с трибуны Семён Петрович, – как свободная минутка, так сразу за бутылку норовят!.. А ведь можно и по-культурному же отдохнуть, товарищи! Нечто в шахматы не сыграть меж доек?.. Или в шашки там!.. Или ещё чего?..

Доярки слушали и хихикали, пожимая плечами. А Эдик-змея покумекал и в свинарнике качели приладил...

... – Ну, не сука разве?, – бригадир аж бледнел, вспоминая какими взглядами осматривал проверяющий качели между ясель с поросятами, – Комиссия приезжает, а у нас в свинарнике – качели!.. Скотина этот Эдик!.. Издевается, сволочь такая!.. Увольте, Иван Иванович, а то придушу я его, сволочугу!.. Что ни комиссия – все в один голос в глаза тычут: «шо за придурок у вас тут бригадир?».. Все шишки на меня!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.